

Атомное время

Сегодня наш собеседник — член следственной группы, расследовавшей «Чернобыльское дело»

Традиционно к концу апреля в общество приходят воспоминания об аварии на ЧАЭС...

Сегодня наш собеседник — член следственной группы, расследовавшей «Чернобыльское дело», прокурор отдела Генеральной прокуратуры Михаил ГОРДЫКО.

— Михаил Владимирович, хотя катастрофа на Чернобыльской атомной станции произошла 26 апреля 1986 года, виновников произошедшего тогда и потом начали выявлять лишь через пять лет, когда в стране начались бурные демократические процессы, когда власти уже не могли скрыть всю правду о случившейся трагедии. В июне 1991 года Верховный Совет БССР поручил Прокуратуре Белорусской ССР дать правовую оценку деятельности должностных и иных лиц республики, ответственных за решение вопросов, обусловленных катастрофой на Чернобыльской АЭС. Как это было?

— Действительно, уголовное дело по фактам злоупотребления служебным положением и ненадлежащего выполнения своих служебных обязанностей должностными лицами министерств и ведомств, ответственных за организацию работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской атомной станции и обеспечение радиационной безопасности населения, было возбуждено Генеральным прокурором СССР Н.С.Трубиным 5 января 1991 года. В состав большой следственной группы вошел и я. Работал я тогда старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре республики. С июня сконцентрировался на выполнении поручения Верховного Совета. Почти два года мы изучали документы, собирали свидетельства и другие материалы, касающиеся действий в тот период должностных лиц Беларуси, обобщив и проанализировав которые, пришли к определенным выводам.

— Расскажите вкратце о причинах аварии.

— На 24 апреля 1986 года была запланирована остановка третьего блока на

планово-предупредительный ремонт. При этом было решено провести технологический эксперимент, который и закончился взрывом. Не вдаваясь в технические подробности, скажу, что главной причиной аварии и стал этот непродуманный эксперимент, а также грубое нарушение инструкции эксплуатации АЭС, одним словом, безответственность эксплуатационников и руководства АЭС. К примеру, ни конструктор реактора, ни ученые специализированного института ничего не знали о готовящемся опыте и не участвовали в его подготовке. Проект эксперимента поручили подготовить Донтехэнерго — организации, которая вообще не имела дела с АЭС. В ходе эксперимента отключили систему аварийного охлаждения реактора, без которой он работал одиннадцать часов! Инструкцию по эксплуатации АЭС нарушили двенадцать раз. Это во-первых. Во-вторых, можно смело утверждать, что кадры на этот особо важный объект подбирались с преступной халатностью. Так, командовал проведением эксперимента заместитель главного инженера АЭС А.Дятлов, который до этого заведовал физлабораторией на одном из предприятий Дальнего Востока, никогда прежде на АЭС не работал и не знал их. Инструктаж для дежурной вахты проводил простой инженер-электрик, не являвшийся специалистом по реакторам. Программу эксперимента утверждал главный инженер Н.Фомин, не особо компетентный в этих вопросах. Вместе с ними признан виновным в произошедшем, разумеется, и директор АЭС В.Брюханов. Они свое получили.

— Если во время взрыва пострадали десятки, то после катастрофы — десятки тысяч человек. И тоже из-за чьих-то, не побоюсь этого слова, преступных действий. Например, в то время как реактор пылал всюду, разбрасывая на сотни километров вокруг радиоактивную заразу, в райцентрах, расположенных в зоне поражения, выводили деток в весенних нарядах на первомайскую демонстрацию. Кто ответил за это?

— В первые дни после аварии многие люди пострадали из-за того, что информация о

реальных масштабах катастрофы властями скрывалась. Генерал-майор Липатов из КГБ СССР распорядился срочно принять меры по закрытию утечки информации по ликвидации последствий чернобыльской аварии, а впоследствии союзный Совмин узаконил эту засекреченность. Запрещалось разглашать сведения об уровне радиационной загрязненности населенных пунктов, о показателях ухудшения физической работоспособности людей и т.д. Врачам предписывалось больным, получившим облучение, ставить диагноз вегетососудистая дистония.

На допросе бывший секретарь Гомельского обкома партии А.С.Камай показал: «Гражданская оборона Киевской области свою функцию оповестителя не выполнила, а гражданская оборона Гомельской области, в свою очередь, не оповещена о происшедшей аварии, прогнозе развития ее, масштабах и последствиях. Отрывочную, догадочную и предположительную информацию об аварии получил от местных руководителей 27 апреля 1986 года».

Первое официальное сообщение об аварии на ЧАЭС появилось в прессе лишь 29 апреля и выглядело обыденно: «...Работает правительственная комиссия, приняты первоочередные меры по ликвидации последствий... радиационная обстановка на станции и местности стабилизирована». Ученые-физики из Института имени Курчатова вразумили, что реактор прекратил выбросы уже в мае, хотя последний выброс был зафиксирован в середине августа. 92 ученых в своем письме на имя Генерального секретаря ЦК КПСС утверждали, что чернобыльская беда не так страшна, как ее стремятся изобразить белорусские ученые, чтобы «выбить» средства. Между тем, как пояснил тогдашний председатель Совета Министров Беларуси М.В.Ковалев, «в республике отсутствовали точные дозиметрические приборы. Только после случившегося Москва выделила валюту для закупки за рубежом таких приборов».

В ходе следствия мы опросили сотни человек, изучили массу оперативной документации и пришли к выводу, что должностные лица республики, входившие в Государственную комиссию по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, «приняли в

полном объеме возможные меры по сбору достоверной информации о радиационном загрязнении территории республики, сделали все для минимизации последствий радиационного поражения населения и защите его здоровья». Исходя из этого, уголовное дело о действиях должностных лиц Республики Беларусь по ликвидации аварии на ЧАЭС и ее последствий было прекращено.

— Каково, по вашему мнению, будущее ядерной энергетики?

— После аварии очень активно настаивали на том, что все АЭС в стране надо закрыть и ликвидировать ядерную энергетику как науку. Но это абсурд. Такое пережили и кибернетика, и генетика. Строительство новых АЭС ведется во всем мире. При соблюдении всех правил эксплуатации АЭС безопаснее и экономически надежнее тепловых и гидростанций, уродующих окружающую среду. Конечно, те реакторы имели технические недоработки, но на других станциях, где они были установлены, трагедий не случилось. Всею виной так называемый человеческий фактор — некомпетентные специалисты, устроившиеся на высокооплачиваемую работу, халатность и безответственность.

Теперь наука шагнула далеко вперед. И правильно, что еще до начала строительства станции в республике уже начинается подготовка для нее квалифицированных кадров с высшим образованием. На станции будет использовано самое современное и надежное оборудование. А собственная АЭС навсегда обеспечит энергетическую безопасность Беларуси.

Беседовал Иван ГЕРАСЮК

Источник: Сов. Белоруссия.-2009.-22 апр.-С.10.